КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ
О РУССКОЙ ИСТОРИИ,
ВОЗБУЖДЕННЫХ
«ИСТОРИЕЙ» Г. СОЛОВЬЕВА

Константин Аксаков

**Несколько слов о русской
истории, возбужденных
«Историей» г. Соловьева**

«Public Domain»

1860

Аксаков К. С.

Несколько слов о русской истории, возбужденных
«Историей» г. Соловьева / К. С. Аксаков — «Public
Domain», 1860

«Трудолюбие и даровитость г. Соловьева всем и давно известны. Кроме лекций университетских, кроме пространных статей, помещаемых в журналах, сборниках, ведомостях, г. Соловьев нашел время для обрабатывания и издания в свет важного труда, «Русской истории». Первый том перед нами. Уважая вполне даровитость автора, желая ему продолжать идти вперед, мы, однако, не согласны со многими его воззрениями. Критики на сочинение г. Соловьева уже появились...»

Константин Сергеевич Аксаков Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историей» г. Соловьева

По поводу I тома

Трудолюбие и даровитость г. Соловьева всем и давно известны. Кроме лекций университетских, кроме пространных статей, помещаемых в журналах, сборниках, ведомостях, г. Соловьев нашел время для обрабатывания и издания в свет важного труда, «Русской истории». Первый том перед нами. Уважая вполне даровитость автора, желая ему продолжать идти вперед, мы, однако, не согласны со многими его воззрениями. Критики на сочинение г. Соловьева уже появились. И в «Москвитянине», и в «Отечественных записках», и в «Московских ведомостях» были сказаны дельные и полезные замечания; но на все возражения г. Соловьев отвечал, что они своею слабостью только утвердили его в его мнениях. Мы со своей стороны пишем не критику на г. Соловьева, а хотим высказать некоторые мысли о русской истории, пришедшие нам в голову по поводу его книги.

Прежде всего должны мы сказать, что едва ли в наше время можно писать историю России. История есть окончательный плод какой-нибудь эпохи, есть результат ее предварительных исторических трудов; твердая, незыблемая основа для нее необходима. Наше время есть время исследования, изысканий, приготовительной обработки. Материалы являются с каждым днем в возрастающем количестве; беспрестанно выходят акты такого рода, которых каждую строку должно читать и перечитывать, которых каждое слово должно объяснять в отношении не только историческом, но юридическом, филологическом и др. наук. А все науки нераздельно между собою связаны. Среди этой предварительной работы может ли быть производима работа окончательная? Можно ли строить здание, когда ни материалы, ни план не готовы? Зачем отнимать у эпохи ее труд и значение, зачем торопить ее время (себя можно торопить, но не время)? Мы согласны, что работа исследователя не очень заманчива. Но что же делать, если такова наша эпоха. Все, что может явиться в наше время, это разве монография. Понятна, очень понятна потребность целого, потребность зияющей деятельности; но, сознавая вполне эту потребность, всегда живущую в человеке не отвлеченном, в человеке, для которого жизнь есть первое дело, мы должны, однако, сказать, что, сберегая в себе эту прекрасную, доводящую до истины потребность, можно ограничить себя исследованиями; она, эта потребность жизни, поможет здесь много, даст им зоркость и целостность, и будет везде выражаться. «История России» в наше время возможна только в виде опыта. Но так ли написал свою «Историю» г. Соловьев? Едва ли. – В ней слышно противоречие: она писана как история, как полный вывод из предыдущих трудов; а между тем она имеет характер собранных исследований, не более. Чего нельзя сделать, то и не было сделано, и «История России» г. Соловьева – не история.

Не виним в этом автора; в настоящее время при состоянии исторической науки, «История России» невозможна. Замечание наше автору состоит в излишней поспешности; в том, что он очень легко и скоро строит «Русскую историю», тогда как еще неизвестно, когда наступит для нее время. 1-й том его «Истории», не представляющий ничего нового, может, года через два, быть анахронизмом и откинут. Посвятим все труды свои исследованиям, будем стараться разрешить великую задачу нашей исторической жизни, обратимся для этого к древней самобытной России и к народному быту теперь; истинная мысль вдруг найдет

гармонию во всех явлениях жизни. Все станет ясно и понятно. Но для этого много нужно предварительных изысканий, много трудной и иногда мелочной работы.

Теперь обратимся к самым мнениям г. Соловьева, высказанным в его «Истории».

В предисловии к первому тому своей «Истории России» г. Соловьев говорит вообще против разделения истории на эпохи, утверждая, что такого разделения не бывает в самой исторической жизни, где все явления связаны одно с другим; он, между прочим, тут же высказывает мнение (и он, кажется, первый печатно), что еще до Петра Великого начались у нас преобразования, и что Петр только продолжал начатое. Мысль о том, что история не допускает разделений – справедлива, если понимать разделения за какие-то рубрики и графы. Но с другой стороны, нельзя не признавать в ходе истории возникающих главных идей, группирующих около себя предыдущие и последующие явления; эти господствующие идеи, в течение известного времени, составляют эпохи и периоды. Переход от периода к периоду, от эпохи к эпохе делается незаметно, без всякого видимого отдела, ибо таков ход жизни исторической; но тем не менее нельзя не видеть, нельзя не отличать этих эпох, с чем, вероятно, согласится и сам автор. Он сам даже назначает главные эпохи.

Прежде, чем будем говорить о разделении русской истории, считаем нужным сказать несколько слов о том мнении, которое выражает в предисловии своем ученый автор, о преобразовании Петра Великого.

Г. Соловьев говорит, что Петр был продолжателем, что дело заимствования от иностранцев полезного было еще до него. Это совершенно справедливо, и все, что есть истинного в перевороте Петра, было, конечно, начато до него. Но Петр был не только продолжателем, а это-то и составляет характеристику его эпохи. Прежде принимали одно полезное от иностранцев, не заимствуя чуждой жизни, но оставаясь при началах своей жизни, и Россия оставалась самостоятельной. Петр же, напротив, стал принимать все от иностранцев, не только полезное и общечеловеческое, но частное и национальное, самую жизнь иностранную, со всеми случайными ее подробностями; он переменял всю систему управления государственного и весь образ жизни; он изменял на иностранный лад русский язык, он принудил переменить самую русскую одежду на одежду иностранную; переломлен был весь строй русской жизни, переменена была самая система. Таким образом, даже самое полезное, что принимали в России и до Петра, непременно стало не свободным заимствованием, а рабским подражанием. К этому присоединилось еще другое обстоятельство: именно, насилие, неотъемлемая принадлежность действий Петра. Это насилие, в свою очередь, изменило все дело; что делалось доселе свободно и естественно, то стало делаться принужденно и насильственно.

Поэтому преобразование Петра есть решительно уже переворот, революция, а в этом и заключается особенность и историческое значение его дела. Напрасно говорили (я сам напечатал это некогда), что Петр восстал против исключительной русской национальности. Исключительности в России не было вовсе; все полезное принималось и до Петра, только это не мешало русским оставаться русскими. Напротив, исключительность национальности (незнакомая России никогда прежде) явилась со стороны Петра. Петр именно стоял за исключительную национальность, только не свою, а западную, и повсюду истреблял всякое выражение русской жизни, всякое русское явление.

В самом деле, исключительности национальной не было никогда в допетровской России. Еще Нестор сказал, пересчитывая разные обычаи языческих народов: «Мы же христиане закон имамы един: елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся». Вот когда, и как хорошо и ясно, перейдены были границы исключительной национальности во имя христианской веры. Христианская вера – вот союз человеческий, вот союз наш. Все христиане – братья. Это истинное понимание христианской веры есть основание всей нашей истории: и в то же время то же святое учение научило русский народ, – эту изначала добрую почву

слова Божия, – на всякого человека смотреть как на ближнего. Посмотрите на время междоусобицы, когда действовал народ, перечтите эти бесценные грамоты, в которых столько простоты, тихой, искренней, непобедимой силы, столько чистоты и святости. В начале грамоты говорится обыкновенно, от кого писана она, перечисляются все сословия, все русские люди, и с ними тут же и немцы и литовцы, и это не один раз. И теперь ни к немцам, ни к полякам в простом народе нет никакой ненависти. Но этот высокий христианский взгляд нашего народа был недоступен народам другим, гордым народам Запада, которые только теперь, и то в избранных своих, в некоторых сословиях дошли до человеческого взгляда русского народа, да и то больше как космополиты, следовательно, впали в новую ошибку. При этом истинном взгляде русского народа на другие народы, конечно, очень естественно принимать от них все хорошее. Так оно всегда и было. При Дмитрии Донском было принято огнестрельное оружие, при Иоанне IV – книгопечатание и т. д. Наконец, при Федоре Алексеевиче даже внутреннее военное устройство. Исключительность национальная не существовала у нас, и это обвинение есть призрак, изобретенный преобразованными Петром русскими, которые себя оправдывают этим, как креатуры Петра. Дух нашего народа есть христианско-человеческий. И вдруг среди него является исключительная национальность со всей своей дикостью, и эта национальность – чужая, которая гонит русскую жизнь, а вместе и весь высокий строй ее. Следовательно, дело Петра, как принятие (только) полезного от чужих стран, не внесло ничего нового; все это делалось и до него, но свободно, постепенно и самобытно. Великое дело Петра, как исключительное поклонение Западу, как исключительное отрицание всего русского, даже в языке и в одежде, как резкое насильственное, поспешное и подражательное преобразование, другими словами, как переворот, было точно дело новое, небывалое на Руси и не принадлежит к тем мирным изменениям, которые совершаются легко и неприметно; напротив, это именно переворот, и в этом отношении продолжателем Петр назваться не может. Нет, у него не было предшественников в Древней Руси. Хотя переворот Петра прямо подействовал только на верхние классы, но с изменением этих классов и народ, само собою разумеется, должен был стать в особые отношения. Таким образом, переворот подействовал на всю Россию, разным образом в ней обозначась. Россия разделилась на две резкие половины: на преобразованную Петром, или верхние классы, и на Россию, оставшуюся в своем самобытном виде, оставшуюся на корню, или простой народ. Разумеется, две эти половины, между которыми разрушена связь понимания, не остаются без соприкосновения, если не внутреннего, то внешнего; разумеется, одна действует на другую, и преимущества и выгоды играют здесь, конечно, большую роль. Из наших слов видно, что мы не согласны с г. Соловьевым, который называет Петра только продолжателем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.